

Dimitrov, Ljudmil

Славянские литературы в Болгарии : способ (не)употребления

Slavica litteraria. 2023, vol. 26, iss. 1, pp. 99-108

ISSN 1212-1509 (print); ISSN 2336-4491 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/SL2023-1-7>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/digilib.78200>

License: [CC BY-SA 4.0 International](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Access Date: 07. 12. 2024

Version: 20230620

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Славянские литературы в Болгарии: способ (не)употребления

Lyudmil Dimitrov (Sofia)

Аннотация

В статье исследуется состояние обучения славянских литератур на Факультете славянской филологии Университета им. Климента Охридского в Софии с учетом широкого взгляда на проблему синхронии и диахронии. Автор ищет исторические причины отказа от взаимного признания среди славян, их попытки найти аргументы в пользу того, что они не славяне, и заменить их коренную идентичность смутной универсальностью. Упоминается вопрос о несвязности (неравенстве) между отдельными литературами славян и выражается несогласие с тем, каким образом большие культуры пересиливают маленькие. В конце статьи выражается гипотеза, может ли вообще и до какой степени А. П. Чехов, единственное имя славянского происхождения, которое вошло в мировой драматургический канон, стать унифицирующим фактором видения славян сквозь призму их литературного и театрального интереса в его творчестве по отношению к ним самим и к остальному миру? Способны ли мы претворить сами себя с помощью чеховской драматургии?

Ключевые слова

славянские литературы; обучение; равенство/связность; канон; А. П. Чехов

Abstract

Slavic Literatures in Bulgaria: a (non)User's Guide

The article examines the state of the teaching of Slavic literature at the Faculty of Slavic Studies of the Sofia University «St. Kliment Ohridski», taking a broad look at the problem of synchrony and diachrony. The author looks for the historical reasons for the refusal of mutual recognition among the Slavs, their attempts to find arguments that they are not Slavs and to replace their original identity with a vague universality. The question of the incoherence (inequality) between the separate literatures of the Slavs is touched upon, and disagreement with the transgression of large cultures and languages over smaller ones is expressed. Finally, a hypothesis is expressed as to whether and to what extent A. P. Chekhov, the only name of Slavic origin that entered the world dramatic canon, can become a unifying factor for looking at the Slavs through their literary and theatrical interest in his work in relation to themselves and in relation to the rest of the world? Can we reinvent ourselves with the help of Chekhov's dramaturgy?

Key words

Slavic literatures; teaching; equality/coherence; canon; A. P. Chekhov

В культурном аспекте я всегда принимал понятие *славянская общность* весьма сдержанно, точнее – как несостоятельное, в отличие от других его измерений: языковое, географическое, политическое – они совсем основательны и функционируют полноценно. Можем говорить также и о традиционной экономической соотнесенности / интеграции между отдельными славянскими странами (народами), использующими утопанные маршруты старых, распавшихся (вроде бы) империй, федераций и формаций, в чьих пределах некоторые из них пребывают в более продолжительные или более короткие периоды. Имею в виду Австро-Венгрию (чехи, словаки, словенцы, хорваты, босняки, малая часть поляков), Югославию (все южные славяне «от Вардара до вершины Триглав», то есть, без Болгарии), Советский блок (восточные и западные славяне плюс Болгария). В наше время происходит активная переорганизация и оптимизация хозяйственной инфраструктуры (свободное движение людей и товаров) между Болгарией, Хорватией, Словенией, Чехией, Словакией, Польшей: между шестью членами Европейского союза из всех тринадцати государств преобладающе славянского населения. Этот процесс открывает новую возможность для усиления обмена в области искусств, и такой наблюдается; но, судя по довольно незавидному интересу, который провоцируют литературы каждой из наших стран на чужих славянских читателей, мой скепсис не просто сохраняется, но в известном смысле углубляется.

Что я имею в виду?

Разделяю тезис о том, что между славянами не течет ни естественный, ни ровный/размеренный/свободный диалог. Культурная их / наша коммуникация давно уже на «искусственном дыхании» в университетах-«лазаретах», и чтобы она ожила и дала хоть какие-нибудь плоды, бывает стимулированной целевыми финансовыми инъекциями (отпущенными в рамках европейских программ и проектов), которые скорее поддерживают симулякр-плацебо процесса, чем могут прочно вывести его из реанимации и включить в эффективное обращение. И если с конца XX и в начале XXI века в музыке, в кино, в известной степени и в театре ощущалось волнение (копродукции, гастроли, региональное сотрудничество и участия на форумах и фестивалях), то литература оказывается не такой легко разрешимой проблемой, ее мобильность далеко более медлительная (консервативная) и требует серьезных интеллектуальных усилий: требует воли, какая не всегда, увы, налична – и здесь не говорю о переведенных книгах, которые тоже отмечают рост, а о том, как они достигают до массового читателя. Нельзя пренебрегать и стародавним, не пропущенным ни одним из нас искушением искать – и находить! – «необоримые доказательства» о том, что мы не славяне, а «несправедливо считают нас такими», и чувствуем свой этнический предикат как клеймо за что-то унижительное и едва ли не представляющее нас в невыгодном свете. На этом фоне придуманный и пропагандированный с се-

редины XIX века и далее панславизм с его трафаретами/шаблонами выглядит все более наивно, экзотично, как компенсаторная утопия, лозунг или, более изысканно говоря, как сентенция/мотто (рода: «Славяне всех стран, соединяйтесь!»), разумеется, не просто неприменим, но полностью неосуществим, а на идеологическом уровне и давно уже скомпрометирован, «выдохнувшийся».

Совсем простой пример. Чтобы говорить об естественном взаимопроникновении, следовало бы, чтобы интеллектуальные круги в каждой славянской стране были осведомлены о том, что происходит как в их области, так и в искусствах хотя бы некоторой / некоторых из других родственных странах. Не имею в виду специалистов (в конкретном случае – филологов литераторов): они стремятся быть информированными, но, во первых, их интерес односторонний и, во-вторых, их очень мало, чтобы они повлияли на культурный обмен в целом. Если спросить кого-либо из болгарских интеллектуалов о том, известно ли ему на этот момент актуальное событие в польской музыке, к примеру; а поляка – о тенденциях в современной словенской литературе; какого-нибудь чеха – что нового в культурной жизни Сербии, хорвата о поэзии Беларуси, серба – о изобразительном искусстве в Украине, словака о театре и кино, скажем, в Боснии и Герцеговине или черногорца о болгарской прозе последнего десятилетия, вряд ли получим конкретные и удовлетворительные ответы. (Пока умышленно не упоминаю Россию, которую добавлю подробно немного погодя.) Среди славян не наблюдается славяноцентризм, для нашего духовного и ментального настроения в силе иные ориентиры, в огромной своей части (про)западные: происходящее там волнует нас, мы следим за ним, считаем ведущим, образцом, и через него аргументируем свое представление о том, как должны выглядеть наш собственный стиль и наши художественные поиски. Редко мы встретили бы людей искусства и носителей данной культуры из какой бы то ни было славянской страны, озабоченных о национальном; скорее речь идет об индивидуалистах, самопредлагающихся и таким образом «спасающихся» в одиночку; погруженные в свой виртуальный мир, они принимают международные награды как представители конкретного государства, но все же с сознанием о том, что их собственное имя превосходит имя их национальности. (Несмотря на обычный парадокс – те же самые артисты обычно дома ведущие, но их не удовлетворяет этот факт в той степени, в которой они рады приглашению извне, где же как правило появляются в поддерживающих или в эпизодических, то есть, в безличных ролях.) Иными словами, у нас славянская идентичность / самоопределенность сильно уязвима и в большинстве случаев не просто не помогает нашему проявлению за границей, а «нейтрализует» его и даже мешает ему. Наша установка – соизмеряться не с остальным славянским миром, а с пространствами, которые приоритетно исключают ее, формализуют, уничтожают/перечеркивают.

И все же. Наряду с этими скептическими рассуждениями возможно ли было бы найти/обнаружить какую-нибудь дверь, щель, скважину, амбразуру – вообще

говоря, возможность, если не для объединения, то хотя бы для взаимного осматривания в наших литературах и через наши литературы, что означало бы и прочное возбуждение любопытства к другому? Я буду идти к ответу на этот вопрос медленно, потому что перед тем как прийти к моему конкретному предложению, которое считаю уместным, хотел бы изложить еще аргументы в поддержку идеи о том, что по ряду причин славянство, мысленное как единое целое, никогда не могло быть объединенным и приведенном в движение согласно предвидению, хотя его виртуальная культурная монолитность не раз вызывала амбицию/амбициозность; напористость и стратегии для его направления/организации в общий и плодотворно работающий процесс / конструкт. Иными словами, подхожу с пониманием о том, что существуют естественные центробежные силы и факторы, не позволяющие, чтобы понятие *славянская общность* было собрано и превращено в духовный симбиоз.

Возвращаясь к метафоре о состоянии «реанимации» славянских литератур, прежде всего коротко остановлюсь на «истории заболевания» так, как я ее толкую.

Для начала необходимо, как мне кажется, семантическое уточнение. На ассоциативном уровне слово «славянин» не вызывает респекта среди иноязычных народов, наоборот – на *slawischer Akzent* реагируют инстинктивно и демонстративно пренебрежительно. Не только потому, что с Гегеля через Фихте и до Маркса западные общества последовательно и методично подвергались убеждению в отсталости и вторичности славян, в их ограниченности и неполноценности. А и потому, что из самого этнонима «славянин» („slav“) образовано слово «раб» („slave“). В действительности фонетическая модификация (пароним) греческой коренной морфемы и этимология «слав» не имеют ничего общего с «зависимостью», «подчиненностью» или «бесправностью», образующими общий синонимический ряд с ассоциативным «пролетарии» из цитированного выше коммунистического лозунга; они изначально представляют собой номинации о «слава»-и-«слово», которые в сознании своих носителей означают единство, общность людей, понимающих друг друга, в отличие от «немец» – «немой, непонятный, не наш». Но более обоснован в случае был бы другой, каламбурный вопрос: можно ли утверждать, что мы, славяне (да и слависты) рабы самому себе?

Славяне и слависты, разумеется, не есть единосущны, а менее того – взаимозаменяемы. Первое – указатель происхождения, данности, гена (генотипа); в отличие от него, быть славистом – сознательный, индивидуальный и во многих отношениях экзистенциальный выбор. Занимания академической дисциплиной «славистика» совсем не есть компромисс, ее объект изучения не «униженных и оскорбленных», а я сказал бы – менее самодовольный, не в такой мере самонадеянных и более адаптивных европейцев. Трудно могу поверить, что кто-нибудь обязал или насильствовал нас стать славистами. Славистика не есть идеология, не религия, от которой впадают в транс, она – сложная наука; но и самоопределение, причем самое свободное, аргументами для которого в начале могут быть экзотика, любопытство, способ быть различными (и разли-

чимыми), но постепенно и незаметно перераста в каузу и судьбу. Как между прочем случилось с учениками Кирилла и Мефодия: о них мы не знаем какого именно происхождения они, и вряд ли когда-нибудь найдутся неоспоримые доказательства о их этнической принадлежности, что, со своей стороны, вообще не важно; но их исключительная литературная деятельность в IX-ом веке в Средневековом болгарском государстве, где после множества перипетий наконец им предоставлено поле для необеспокоенного и неограниченного проявления, превращает их в первых болгаристов и, соответственно, славистов, создавших основы формирующейся медленно, но неизменно не только истории славяно-болгарской, но и науки. Через тысячи лет позже возникает, правда, не в такой мере частое явление славист-космополит, но его представители предлагают ему идеи, модели и гипотезы как (пере)открыть себя и объединиться под каким-нибудь культурным претекстом / знаменателем. Припоминаю имена только четырех из этих достойных мужей, миссионеров энтузиастов XIX-го и XX-го веков, приложивших бескорыстные усилия своими познаниями и своей компетентностью обвязать / связать наши нации: чех Йосеф Добровский (1753–1829), серб Вук Караджич (1787–1864), словенец Антон Ашкерц (1856–1912), болгарин Иван Шишманов (1862–1928). Независимо от того, что их идеи не приводят к прочному прагматическому эффекту – социокультурному и онтологическому – их достижения в академическом и научном контексте продолжают работать безупречно.

Заболевание – продолжить «эпикриз» нашего разъединения – коренится и в языках, все более явственно рецидивирующих в течение времени. Какие бы и общие корни они не имели и как бы и близка ни была их историческая грамматика, а в некоторых аспектах и такая же, сегодня, в отличие раньше несколько веков тому назад и с минимальными исключениями (сербы и хорваты, скажем), славянин с трудом понимает остальных себеподобных, говоря перед ними на собственном языке. Несмотря на родственное лингвистическое семейство, мы все строже сепарируемся / обособляемся и разграничиваемся между собой. Носители больших языков, каждый из которых используется официально в нескольких странах – английский, испанский, немецкий, французский – несмотря на их неизбежные версии / наречия, порожденные социокультурными спецификами, не оспаривают факт, что говорят на одном и том же языке. У нас – наоборот – течет отдаленность, стимулированная коллективным неосознанным о том, что не желаем быть идентифицированными с другими славянами. Факт, что никто никогда не делал попытку, чтобы один из славянских языков считался общим в нашей коммуникации, несмотря на широкое утверждение русского языка в странах, попавших под политическую зависимость Советского Союза. После распада красной империи популярность русского немедленно «свернулась», и он отпал как обязательный. В наши дни, так или иначе, общение между нами идет в основном на английском, и следует признаться в том, что как бы я ни хотел был сторонником этой тенденции, она все же оказалась удобным, принятым негласным консенсусом решением.

Есть и нечто положительное в проклятии славянского Вавилона. Первоначально считалось, что язык, как и атом, неделим, пока Бог не входит в роль первого «ядерного лингвиста» и не присуждает другого. Было время, когда «язык» отождествлялся с «народонаселением», «обществом», замененными в XIX-ом веке модным термином «нация». В житии Климента Охридского Феофилакт называет святого «первым епископом болгарского языка», то есть, болгарского народа. А это показывает, что внутренние и внешние рамки данной общности определяются ее языком, и в нее можно проникнуть / приобщение к ней возможно только, если усвоить этот язык. Убежденно считаю, что мы должны быть благодарными славянскому Вавилону. Раздробление наших языков предпослало новую коммуникативную логику, новый истеблишмент. Именно из-за этого внутри в большой славянской общности возникла необходимость в переводе, появился промысел, а позже профессия «переводчик» – говоря на языке медиа и социальных служб, создались новые рабочие места для филологов. А переводить означает не просто передать текст с одного языка на другой, но и сопроводить кого-либо, продвинуть в пространстве, быть его предводителем, посредником, помощником, самарянином. Раскрыть смысл, инициировать его в смысле. Быть Вергилием, который всегда находит выход из ада или из рая, поскольку в рамках православия не располагаем чистилищем. Христианские литературы, как убедительно показывает Нортроп Фрай в своей книге «*Великий кодекс*», начались через перевод. Он в их основе, и «в начале» стоит не только выбор, но и долг переводчика. И каждый славист, по моему мнению, обязан своей родной культуре образцами из литературы, которую изучает.

По этому поводу возвращаюсь к нашим литературам.

После принятия в 1999 г. Болонской декларации о трёхступенном обучении как глобальная стратегия высшего образования, отлив от гуманитарных специальностей в Европе почувствовался резко и вызвал кризис, который все еще не прошел. Этот кризис сильнее всего отразился на славистике, и если я долгое время надеялся на то, что хотя бы русистика в безопасности (не тайна, что в немало европейских и американских университетах славистика сведена к русистике, кое-где одним-двум пополнениям просто «так»), это тоже оказалось иллюзорным. Мы свидетели не только ее стремительной маргинализации, но и высокомерия (и злорадства) со стороны традиционно самодовольных специальностей – IT, право, экономика, политология, как и нескольких западных филологий, к посвятившимся Slavic Studies. Налицо свертывание, перегруппирование, коммерциализация с целью аттрактивности – способы/ходы, отдаляющие нас от создаваемого десятилетиями академического профиля. Перед тем как, однако, проклинать свою судьбу о том, что по отношению к нам поступили несправедливо («...и всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет»), давайте спросить себя в чем коренится проблема, точнее, распад был вопрос

времени, или это вызвано внешними факторами и есть результат обдуманной конспиративной тактики.

Не буду далеко заходить – отправлюсь от своего (*pro domo sua*), не только потому, что знаю его лучше, но и потому, что чувствую себя ответственным перед ним.

В единственном самостоятельном научном направлении в Болгарии, специализированном в изучении славистики – Факультете славянских филологий Софийского университета им. «Св. Кл. Охридского» (мое место работы) – есть три основные специальности, покрывающие комментируемую материю: Болгарская филология, Русская филология и Славянские филологии. Русистика самостоятельна и по охвату уступает только болгаристике – что вполне логично, насколько наша родная филология следовало бы быть приоритетным у себя дома – но противопоставлена остальным славянским языкам и литературам, собранным вместе. В этом все еще нет никакой проблемы: русская классика – мировое наследие и всеобщее достояние в настоящем смысле этого слова – ею интересуется весь мир не только в тесно литературоведческом, но и в интердисциплинарном плане. Ее сюжеты интерпретируются в театре, в опере и балете, в кино, в изобразительном искусстве, появляются литературные версии и художественные инсталляции по ее мотивам, о ее изучении и популяризации заботятся международные общества, организованные вокруг данного автора (Персоналия) или театральные лаборатории на таком же принципе, не будем говорить о том, сколько читателей живут ее текстами. Ни одна другая славянская литература не может похвастаться подобной популярностью или влиянием. Но где мы, как любят спрашивать социологи? Определенно считаю, что между русской и остальными славянскими литературами существует серьезная несогласованность при их изучении – неприятный и сам по себе проблематичный момент.

В актуальной программе курса истории славянских литератур Факультета славянских филологий, например, (курс, который в 90-е годы я слушал у профессора Бояна Ничева), нет ни одного эксплицитно упомянутого словенского, боснийского, белорусского автора; конкретное художественное направление, нашедшее выражение и приложение среди этих меньших наций, не анонсировано. Какова соотносённость, скажем, между художественными дискурсами в славянских странах, с одной стороны, и в России, с другой? А между теми в России и Белоруссии? Между Белоруссией, Польшей и Украиной? Из чего проистекает общее, но и что предпосылает различное? И если язык, на котором создается данная литература, тот же самый, на котором пишется другая литература, независимо от кодификаций и нюансов, критерий близости ли, или капсулирования? На этом фоне – что нам известно, например, о македонской литературе после 1945 года? Подобную «недоимку» можно компенсировать в известной степени через гастролирующих преподавателей, избираемые курсы и переводные монографии, но и такие намерения отсутствуют. Когда ставим базовый вопрос о том, как преподавать сродные нам литературы у нас,

очень важно решить с каких позиций представляем их перед студентами и в какой степени можем сохранить их объективное преподнесение, не допустив демонстрацию своих личных пристрастий. Я придерживаюсь нескольких критериев / подходов, оказавшихся в течение многих лет самыми продуктивными в «выигрывании» приверженцев каузы славистики среди студентов.

Между бакалавриатом и магистратурой протекают три основные фазы / этапа проникновения в процесс чужестранной литературы, ее понимания: информативная, в которой знакомишься с основными авторами и текстами, с историческими предпосылками, чтобы литературная продукция данной страны выглядела соответствующим образом; аналитическая, когда начинаем входить в поэтику и в специфику мышления авторов различных периодов, в их экспериментальные поиски, в создание национального мифа и степень универсальности, предполагающей их усвоение различными – близкими и дальними – языковыми и культурными пространствами; интегрирующая – достигнув ее, уже испытываешь осознанную необходимость популяризировать соответствующую литературу среди своих соотечественников, встретить их с нею с уверенностью, что она обладает непереходными стоимостями, вызывающими, но и стимулирующими собственную нашу идентичность. И еще что-то, что очень-очень важно. Убежденно утверждаю, что у нас (это всеобщее правило) иностранные литературы самым уместным и успешным образом можно преподавать с референциями к своей (в случае – болгарской) точке зрения; в подходящем интерпретативном ракурсе, через который послания только что открывшегося нам чужого творчества достигают до нас, и мы их допускаем и усваиваем без сопротивления. К этому суждению прибавлю сопутствующие вопросы: почему мы склонны интегрировать в свою культурную парадигму определенное произведение, а не другое; почему, независимо от того, что некий текст сакрализован в своей собственной литературе, для нас он не работает в тех же самых семиотических реестрах и не означает для нас ничего существенного; почему обнаруживаем различные / свои экзистенциальные коды в классическом произведении некоей литературы, через которые она попадает в наш виртуальный каталог? Но то, чего никоим образом нельзя допускать, это трансгрессия больших литератур, которые могли бы поглотить и нигилировать меньшие.

Другая проблема – это историческая (ретроспективная) память. Давно уже празднуем годовщины со дня создания специальности «Русская филология», принимая как начало ее летосчисления 1946 г., когда Факультет славянских филологий переструктурировался по советскому образцу, и программы были переработаны согласно требованиям власти, самообъявившейся народной. Но русская – и, соответственно, славянские литературы, преподаются с самого возникновения нашего старейшего высшего училища, тем более, что оно начинается с одного-единственного факультета: Историко-филологического. Воспитанники его первых выпусков – это слависты, что бы это ни означало. О курсах русской и польской литератур, которые вел проф. Боян Пенев, не упоминается, о богемисте проф. Борисе Йоцове – тоже, независимо от того, что

в 1992 г. вроде бы его реабилитировали новым изданием части его сочинений; труды проф. Ивана Шишманова по проблемам славистики тоже не опубликованы полностью.

Так что вопрос о том, что делать с преподаванием славянских литератур продолжает быть актуальным. Но стоит задуматься над следующим. Как языковеды принимают за свой кодекс Словарь, как токовой, хотя он не книга, для нас Канон. Подобно правописанию, которое периодически обновляется, узаконивая в норму проистекающие из узуса положения, так и канон следовало бы организовать по-новому/перестроить/ переделать, «очистить» неправомерно «пролезших» конъюнктурных авторов, чье творчество проповедует сомнительно универсальные и псевдогуманные ценности. Если все же решим искать как ориентир существующего «нормативного акта» этого вопроса, можем навести справку с исследованием Гарольда Блума «*Западный канон*» (1994). В нем из славянских авторов встречается одно-единственное имя – Лев Толстой. Но в приложении, в рубрике «*Демократическая эпоха*», перечислены четырнадцать авторов русского XIX века, а в «*Хаотичная эпоха*» (XX век) – восемнадцать русских авторов, трое сербо-хорватских, пятеро чешских и шестеро польских. Нас, болгар, вообще нет. Нет словаков, словенцев, украинцев... А еще любопытнее то, что в таком образом сделанной «каталогизации» М. Горький (пример – произвольный) не присутствует ни с одним художественным произведением, а только с мемуарами о Чехове и Толстом и со своей биографией. Правда то, что Блум осматривает западный канон, чем оправдывает включение по нескольким авторам и из Чехии и Польши, но ошеломляюще и необъяснимо то, что И. С. Аксаков равнопоставлен Чехову.

Разумеется, говорим о субъективном выборе. Но на мой собственный вопрос о том, существует ли возможность, чтобы славянский культурный обмен функционировал необремененно/свободно, мне трудно достичь дальше предпочтаний специализированного потребителя. Поддерживаю мнение о том, что канон переносим единственно в редуцированном виде, и отсеивание совершается принимающей его культурой: она берет то, что ей нужно. Если от русского XIX-го века у нас прокладывают себе дорогу едва 7–8 авторов, то что из нашего достигает за границу? В состоянии ли, чтобы любая из славянских литератур предложила «путешествующий канон»? Самым ответственным, как мне кажется, продолжает быть выбор внутри в славянском мире – пространство, которое, как нам известно, совсем не гомогенно. Но есть ли у нас общие места? Располагать произведением-каноном как «*Илиада*» или «*Божественная комедия*» и автором-каноном как Шекспир, это несомненная привилегия. Но сколько и которые из нас, славян, могут предложить такую? Даже наши нобелисты не удовлетворяют подобного требования. В этом смысле искушаюсь назвать энтузиазм закладывания одной славянской культуры в другую *стратегией включения*. В случае канон и литературная история совпадают, но с важным условием, что канон – *живое общество мертвых поэтов*.

В конце текста – обещанное осторожное предложение. В силе самых частых своих профессиональных занятий и здесь делаю ставку на драму и, соответственно, на театр. На поле мировой драматургии попадает только лишь одно имя славянского происхождения, и оно: Антон Павлович Чехов. Им интересуются везде (включая и на местах, о которых не подозреваем), интересуемся и мы. Факт, что его произведения переводятся и перепечатываются непрерывно – и в массовых, и в специализированных изданиях, а его пьесы не сходят со сцен, как самых престижных, так и с маленьких, «квартирных» / камерных театров, организуются фестивали его творчества, существуют десятки лабораторий, студий и академий, экспериментирующих преимущественно на его литературном наследии. Причем – нечто весьма специфическое! – невзирая на его национальность: Чехова давно не принимают как русского, а как мирового автора, и причина тому коренится хотя бы в двух вещах: в отсутствии какой бы то ни было идеологии в его текстах и в предельной внутренней абстрактности сюжетов, которая делает их легко переносимыми во всякие социокультурные и временные контексты. В этом смысле дискуссионный момент в моем тезисе: можем ли соизмеряться по отношению к способу, по которому интерпретируем его творчество, и что и как нас интересует в его знаменитых пьесах? И таким образом проследить за тем, похожи ли мы на русских, или отличаемся от них (что в известном смысле неминуемо), и между собой. Формально, Достоевский тоже подходящая фигура для подобного самопознания / самоосматривания, но если как основу его рецепции возьмем Международное общество, названное его именем, в котором состоят как представители некоторых славянских стран, или множество национальных обществ, занимающихся изучением и распространением его, все же мы должны иметь в виду, что речь идет не о широком отражении, а об обмене мнений между профессионалами, а это очень серьезно ограничивает рецептивное поле. У Чехова есть облегчающее обстоятельство: спектакль. Он по презумпции в предельной мере референциален и доступен, пред(по)лагая интерактивность восприятия: как мы читаем его пьесы и как читает их сцена / экран. Мог ли бы Чехов объединить нас?

prof. Dr Lyudmil Dimitrov

Faculty of Slavic Studies

Sofia University "St. Kliment Ohridski", Bulgaria

ljudmil@slav.uni-sofia.bg

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as image or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.